

Э.Ф. Голлербах

Графика Б. М. Кустодиева

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э.Ф. Голлербах**
Графика Б. М. Кустодиева / Э.Ф. Голлербах – М.: Книга по Требованию, 2021. –
81 с.

ISBN 978-5-458-13481-1

ISBN 978-5-458-13481-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кустодиев ушел от нас именно в то время, когда искусство рисовальщика-иллюстратора и разработка эффектов черного-белого в гравюре все больше и больше его увлекали.

Но и в созданном Кустодиевым в этой области очень много чрезвычайно ценного и значительного.

Кустодиев — рисовальщик и график — явление очень своеобразное: ему как природному живописцу совсем не свойственна линейная графика, но во всем его искусстве „черного-белого“ есть то, чего не хватает многим другим, — пылкость штриха, нервная трепетность, живописная сочность пятен.

Э. Ф. Голлербах, близко соприкасавшийся по работе своей в Гизе с деятельностью Кустодиева как графика, выпукло очертил его фигуру, отметив чуткую отзывчивость художника на жизнь нашего времени, ибо образы революции и нового быта нашли свое место в творчестве Кустодиева в его многочисленных иллюстрациях к книжкам для детей, во всем его искусстве рисовальщика.

Москва. Июль 1928 г.

Ив. Лазаревский

П. Г. Сорокин и др.

I

Декоративная тенденция, присущая книжной графике художников „Мира Искусства“, породила определенные стилистические приемы и резко отделила каллиграфический, контрастный рисунок от эскизного, тонового рисунка. Книжно-графический стиль, связанный с упрощенной, плоской трактовкой формы, четко разбитой на линии и пятна, приобрел широкое распространение и сделался почти неотъемлемой принадлежностью современного издательского производства. Бесконечно разнообразный в своей декоративной изобретательности, в своих вычурах, он не способен, однако, удовлетворить существующую в читательской среде потребность в повествовательном рисунке, в реалистической иллюстрации. Бескорыстный графический рассказ в иных случаях несравненно более уместен, чем декоративная графика.

Стилизованный рисунок имеет больше прав на украшение книги, чем на сопутствие тексту. Декоративный стиль в графике очень часто прикрывает неумение рисовать и отсутствие сюжетной выдумки. В иллюстрации, наоборот, художник обнаруживается весь, целиком, со всеми достоинствами и недостатками. Цель и средства здесь — иные.

За последние 10 — 20 лет стилизованная графика заняла,

с легкой руки „мироискусников“, главенствующее положение в книжном производстве, обогатив современное искусство превосходными достижениями и, вместе с тем, узурпировав права свободной иллюстрации.

В небольшом, постепенно редеем кругу художников-иллюстраторов, рисовальщиков-натуралистов, одно из виднейших мест занимал Борис Михайлович Кустодиев.

Живописец-станковист по основному направлению своего творчества, Кустодиев перенес в область графики все типичные особенности, свойственные его живописному мироощущению. Графику Кустодиева нельзя, в сущности, рассматривать отдельно, вне связи с его живописными работами. Как ни заманчиво углубление в эту генетическую связь, от него приходится отказаться, чтобы не выходить за тесные пределы намечен-

ного обзора. Оправданием может нам послужить популярность живописи Кустодиева: картины его говорят за себя, и внимательный наблюдатель усмотрит родство, переходы и взаимоотношения живописных и графических работ мастера.

Своеобразное выражение русской национальности, изображение народных типов, деревенского и провинциально-городского быта, старая, уходящая Русь и новая — страна

Советских республик, — все это в равной мере относится и к живописи, и к графике Кустодиева.

Работа для книги заставляла Кустодиева отказываться от любимой им полихромии, она связывала его одной, много — двумя или тремя красками, зато книга доставила художнику огромную аудиторию, обратила к нему миллионы читательских глаз.

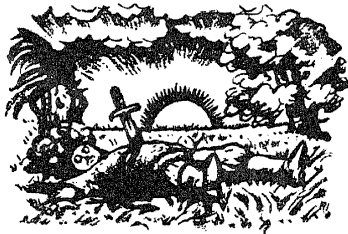
Можно по-разному изучать старый быт, старую Россию: о ней говорят исторические документы, памятники быта, художественная литература. Но особенно убедительно говорит о ней жанровое искусство, картины и зарисовки быта, в частности произведения Кустодиева. Это не протоколы прошлого, но, при всей своей стилизованности, кустодиевская Русь больше говорит уму и сердцу, чем все архивные справки, вместе взятые.

Народные празднества, традиционные гулянья, широкая масляница с тройками, с балаганами; утопающие в зелени глухие городки, дома с голубятнями, старые флигеля, палисадники; пестрые базары, людская толчея, груды разных разностей, — историко-бытовая ценность этих вещей равняется ярмаркам Тенирса, банкетам Франца Хальса, празднествам Ватто.

Считать ли творчество Кустодиева славословием старой Руси, купеческому и мещанскому быту? Конечно, нет, трижды нет. Тонкая ирония художника сквозит в его жанрах, в облике тяжеловесных купчих, румяных ямщиков, оса-

нистых дедов. Баснословные телеса его русских Венер говорят о бездумном, полуживотном существовании, в котором есть живописная и скульптурная прелесть, но которому невозможно сочувствовать всерьез.

Русский Рубенс, Кустодиев, умел любоваться здоровьем и молодостью. Милы ему были одобные, белорозовые женщины, жаркие, истомные, в душной неге возлежащие на широких ложах („и на перины пуховые в тяжелом завалиться сне“...) или разряженные по-праздничному, сидящие за чаепитием на балконах деревянных особняков.

Кустодиев не закрывал глаз на бессмысленность этой физиологии, на ее себедовлеющую животность. Он знал цену этому сонному, скотоподобному житью-бытью, знал, как груб и смраден захолустный, звериный быт, подлежащий истреблению, и все же не мог разлюбить свое, родное, кровное:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Сквозь панораму кустодиевской купеческой, замоскворецкой Руси всегда просвечивала великая правда о России. Закорюзлые, обветшалые формы старого быта разваливаются, отмирают на наших глазах, но стихия русская, разудалая и буйная, широкая, как море, русская стихия — бессмертна. Это она, много раз погибавшая и вновь воскресавшая, „на горе всем буржуям“ раздувает мировой пожар. Это она октябрьским

ураганом налетела на старый мир, и когда пушки „Авроры“ падали по Зимнему дворцу, они обстреливали не стены Растрелли, а ту самую „Русь святую, избяную, кондовую, толстозадую“, которую с иронической любовью живописал Кустодиев.

Изображение молодого, крепкого тела, несокрушимого здоровья (здоровья, которым так жестоко обделен был сам художник) перенес Кустодиев и в свои советские жанры. Его красноармейцы, военморы, рабочие, комсомолки, ядреные, „кровь с молоком“, деревенские бабы олицетворяют трудовое жизнерадостное мироощущение, сознание силы и бодрости в строительстве новой жизни.

В графике Кустодиева излюбленные им сюжеты обесцвечены, сведены к сочетанию черного и белого, лежащему в самой основе книги (исключение составляют детские книги Кустодиева,¹ плакаты и календари), но все типичные их черты налицо, и, за редкими исключениями, художник узнаваем в каждой своей работе, будь это тщательно разработанная графическая композиция или самый небрежный рисунок. Конечно, наиболее интересны в этой области те работы, в которых художник „похож на себя“, верен своей художнической присяге.

Графика Кустодиева распадается по своей технике на три группы: 1) рисунки пером, предназначенные для книги, для цинкографического воспроизведения, 2) рисунки карандашом, предназначенные для литографии,² 3) гравюры на дереве и линолеуме.

¹ Напр., „Детям о Ленине“, „Джимми Джой в гости к пионерам“ Лидии Лесной, „Чудеса“ и „Приключения стола и стула“ С. Маршака и др.

² Большинство литографий Кустодиева нельзя, в сущности, считать автолитографиями, так как художник делал их на кортпапире, а не непосредственно на камне.

И. Кривошеин

К нашей теме ближайшим образом относится перовая графика, так как все работы Кустодиева, сделанные для Госиздата, относятся именно к этой манере. Кисть служила ему в этих работах только некоторым подспорьем (например, для заливки шрифтов), но самостоятельной роли не играла. Большие (может быть, наибольшие) удачи были у Кустодиева в области литографии, свидетельством чего служат издания „Шесть стихотворений Некрасова“ (изд. „Аквилон“), „Шестнадцать автолитографий“ (изд. Ком. попул. худож. изданий). Наконец, в самое последнее время художник немало занимался гравированием по дереву и линолеуму: работы его в этом направлении, показанные в 1927 г. на выставке в Русском